

Пролог 1

Ночь чернила, хлынул ливень.

Капли падали на вымощенную синим камнем землю, а при свете свечей лица всех стоявших в комнате казались то светлее, то темнее, приобретая совершенно жутковатый вид.

Погруженная в глубокий сон Юй Сын вдруг почувствовала, как её тело содрогнулось, и рефлекторно открыла отяжелевшие глаза. К своему ужасу, она увидела вокруг кровати целую толпу людей. Проследив за их взглядами, она медленно повернула голову вбок — в ушах у неё гулко зазвенело, и дыхание мгновенно перехватило.

— Ты... кто ты такой? Почему ты на моей постели?

— Княгиня, видит бог, я заслужил смерть! Я не должен был поддаваться сну, не должен был оставаться здесь, когда вышел срок! Я виноват!

Помимо неё самой, на привычной резной красной кровати лежал совершенно обнаженный мужчина. Юй Сын уставилась на него, залившись краской до корней волос, и торопливо сбросила ноги на пол. Только тут она с изумлением заметила, что на ней самой надет лишь ярко-алый нагрудник-доудо. Ступы коснулись ледяного пола, от холода свело кости, но думать об этом сейчас она не могла. Трясущимися руками схватив одеяло, она попыталась прикрыться и, дрожа всем телом, ткнула пальцем в незнакомца: — Ты... да кто ты в конце концов такой?

Что здесь вообще происходит? Я помню лишь, как выпила пиалу супа из семян лотоса, а после провалилась в сон... очнулась же я уже... Кто меня подставил?!

— Сын, раз уж дошло до такого, давай расскажем всем! Мы ведь с детства были близки, а ван великодушен, он не станет нас тиранить!

— Что ты мелешь?! Я тебя знать не знаю, с чего бы нам быть близки с детства? Где ван? Где сейчас ван?

Сгорая от стыда и паники, Юй Сын кинулась к выходу, но путь ей преградил чей-то силуэт. Эта женщина заступила дорогу в дверях и с мягкой улыбкой произвела на Юй Сын следующее впечатление: — Ваша светлость княгиня, ван только что стал свидетелем этой сцены и уже удалился. Он отдал приказ не подпускать к нему никаких праздных зевак, так что попрошу вас оставаться на месте.

— Дерзкая Цзи Юэ! Ты всего лишь наложница, как смеешь преграждать мне дорогу?

— Цзи Юэ не смеет спорить, но приказы вана обязана исполнять. Разве не так, княгиня?

— Прочь с дороги, пусти меня к Чу Ли! Меня оклеветали!

— Какая же невестка у нас бунтарка... — из толпы изящной походкой вышла девушка в красном платье, на ее губах играла насмешливая улыбка. — Совершив такой позорный поступок, как у тебя хватает наглости просить о встрече с ваном? Эй, отведите ее в караулку, пусть посидит пару дней без еды, быстро заговорит.

— Роуцзя, ты...

— Бесстыдная девка! — глаза девушки гневно сверкнули, и она со всего маху отвесила Юй

Сын пощечину. — Разве твоего ума дело — произносить мое имя? Чего стоите, забирайте ее!

Ливень только усиливался.

Слуги под руки выволокли бьющуюся и рыдающую Юй Син в сторону караулки. Она отчаянно сопротивлялась и плакала, но ее слезы канули в бездну, не оставив и кругов на воде. Она — благородная княгиня, ее тела, кроме вана, не касался ни один мужчина! Но этой ночью ее касались десятки рук, и те взгляды, которыми они на нее смотрели, заставляли желать смерти от стыда! Проходя мимо кабинета вана, она неизвестно откуда черпнула силы, оттолкнула слуг и ворвалась внутрь. Князь Наньчао спокойно читал при свете свечей. Увидев ее, он с удивлением поднялся, а лицо его казалось бледнее обычного.

— Ван, спаси меня! — Юй Син рухнула на колени, глаза ее покраснели, и она вцепилась в полы халата князя Наньчао. — Они оговорили меня, ван, спаси!

— Син...

Князь Наньчао содрогнулся всем телом и протянул руку, словно собираясь утереть слезы с ее глаз, но на полпути его рука замерла. Он сжал пальцы в кулаки так крепко, что побелели костяшки, и лишь после этого медленно разжал их. Глядя на морозящий за окном дождь, он усталым голосом произнес: — Син, иди... ступай.

— Ван, что ты такое говоришь? — недоверчиво переспросила Юй Син.

— Подумай о своем поведении. Когда я успокоюсь, я навещу тебя.

— Ты... ты веришь им?

— Я видел все своими глазами, разве могло это быть ложью? Уходи, я не желаю тебя больше видеть, — бесстрастно произнес князь Наньчао.

Пролог 2

Хруп.

Это звук разбивающегося сердца.

Юй Син недоверчиво подняла голову и ошеломленно уставилась на красивое лицо князя Наньчао, то погружающееся в тень, то выхваченное светом свечей. Ей казалось, что любимый муж находится совсем рядом, но в то же время он бесконечно далек. Она глубоко вздохнула и прикусила губу до крови, чтобы не потерять лицо перед этим мужчиной. Она так и стояла на коленях, задрал голову, а затем слабо улыбнулась князю Наньчао: — Хорошо, прекрасно... Чу Ли, я вышла за тебя в четырнадцать лет, мы были мужем и женой три года, но я и помыслить не могла, что все это — лишь мои несбыточные мечты! Раз ты мне не веришь, нам больше не о чем говорить!

— Эй, уведите княгиню. Я больше не хочу ее видеть.

Чу Ли махнул рукой, приказывая слугам увести ее, и Юй Син уже не сопротивлялась, позволяя утащить себя прочь. Чу Ли устало опустился на стул и лишь спустя долгое время тяжело вздохнул.

— Сын... Сын... Прости меня.

Пять дней спустя.

Когда тяжелые затворы наконец скрипнули и дверь отворилась, Юй Сын подняла голову. Солнечный свет снаружи резанул по глазам так сильно, что она едва могла смотреть. Прошло всего пять дней, но она осунулась до неузнаваемости, и от ее прежней изящной красоты не осталось и следа. Цзи Юэ и Роуцзя переглянулись, медленно подошли к ней и с усмешкой бросили: — Княгиня, сколько дней прошло, как же вас угораздило так исхудать?

Юй Сын опустила голову, не удостоив их ответом.

— Ай, какая жалость, сердце кровью обливается при одном взгляде! Ты что, решила так вана соблазнить? — холодно усмехнулась Цзи Юэ.

— Сестрица Цзи Юэ, не стоит мारаться о такую блудницу. Юй Сын, это превосходное вино даровано тебе моим старшим братцем. Выпей его — и все твои муки закончатся. Пей же, хорошенькая моя.

Вино...

Юй Сын уставилась на изящный белоснежный кувшин в руках Роуцзя. Как она могла не понимать, что скрывается внутри? Заметив ее полный ненависти взгляд, Роуцзя самодовольно ухмыльнулась и прошептала ей на ухо: — Да, это яд, пожалованный старшим братцем. Если ты благоразумна, то выпьешь его до дна сама, избавив себя от позорной казни и участи лишиться головы. Ах, я же забыла сказать: у вашей семьи Юй ван отыскал улики в государственной измене, и вчера всех их казнили на базарной площади. Сто шестьдесят человек разом лишились жизни, а кровищи натекло — река шире некуда... Сестрица Сын, что же ты не плачешь? Без отца, без матери, без мужа, и детей у тебя никогда не будет — неужели тебе не жалко саму себя?

— Отец и матушка мертвы? Ты врешь!

Юй Сын пришла в ярость и попыталась вскочить, бросившись на Роуцзя, но от многодневного голода рухнула на пол. Роуцзя брезгливо глянула на нее и кивнула слугам: те силой разжали ей челюсти и влили вино внутрь, после чего она торжествующе улыбнулась. Подавившись алкоголем, Юй Сын зашлась в кашле, но ее похожие на осенние озера глаза упорно смотрели на них. Чекая каждое слово, она проговорила: — Цзи Юэ, Роуцзя, вы подстроили это, а я проявила беспечность — винить мне некого. Но вы не смели трогать моих родных, я даже призраком не прощу вас! Чу Ли... сначала ты не поверил мне, а после уничтожил мой род — наша связь мужа и жены оборвана навсегда! Если мы встретимся на дорогах Хуанцюаня, я заставлю вас заплатить кровью за кровь! Ха-ха-ха!

— Ах ты ничтожная тварь, перед смертью еще смеешь дерзить? Ладно, я выколю тебе глаза, посмотрим, с кого ты после этого спросишь долг!

Ни тяжесть в груди, ни боль в глазах, ни ощущение уходящей жизни не могли сравниться и с половиной той боли, что разрывала сердце Юй Сын. Превозмогая дикое сопротивление, она была вынуждена закрыть веки, в то время как красный нефрит на ее груди испустил тусклый призрачный свет...

А он так и не пришел взглянуть на нее в последний раз.

Пробуждение

Боль, как же больно! Тело словно разрывает на куски! Где это я?

Юй Сыин изо всех сил попыталась разлепить веки. Перед глазами стояла пелена, и лишь спустя долгое время очертания комнаты прояснились. К своему изумлению, она поняла, что находится вовсе не в роскошном и уютном Уголке Ив и не в мрачной ледяной караулке, а в изящной комнате, от которой разило дешевыми женскими благовониями. Внутри стояли вульгарно разодетая женщина и плачущая служанка. Заметив, что она очнулась, девчонка расплылась в радостной улыбке, а женщина кинулась вперед, вцепилась ей в руку и злобно зашипела: — Ах ты паршивая девчонка, я же говорила, что так просто ты не подохнешь! Хватит притворяться передо мной недотрогой, в Борделе Хунсю сроду не водилось благонравных девиц!

— Хозяйка, пощадите барышню Цин Ло! Больше она никогда не станет делать глупости! — девчонка-служанка рухнула на коленки, заливаясь горячими слезами и умоляя о милосердии.

— Убирайся с глаз!

— Хозяйка, смилуйтесь!

Кто тут шумит?.. Где я нахожусь?.. И кто такая эта Цин Ло?

Нет, разве я не умерла? Та чаша яда оборвала мою жизнь, и они же выкололи мне глаза... Почему же я снова очнулась? Я что, не умерла, или... переродилась?

— Где это я? — пробормотала Юй Сыин и с изумлением обнаружила, что ее голос изменился — пусть слегка охрипший, но он приобрел невыразимую, мягкую притягательность.

— Что ты валяешь дурака, девчонка? Повесить себя толком не смогла, так еще и рассудком тронулась?

Хуа Нянь видела, что ее главная денежная жила, только что спасенная из петли после неудачной попытки самоубийства, смотрит на нее с таким наивным и ошеломленным видом, отчего лишь пуще рассвирепела. Она размахнулась и влепила той пощечину. Юй Сыин с детских лет получала пощечину лишь однажды — от княгини Роуцзя в резиденции князя Наньжао. Сейчас же, столкнувшись с тем, что какая-то легкомысленная баба смеет проявлять к ней неуважение, она пришла в ярость. Собравшись с силами, она выпрямилась и холодно посмотрела на женщину: — Ты кто такая? Как посмела распускать руки?

— Ой, Цин Ло, и что это за представление на сей раз? Решила прикинуться благородной барышней из приличной семьи, страдающей потерей памяти?

— Отвечай мне!

— Ах ты...

Хуа Нянь разъярилась еще сильнее и уже собиралась снова ударить Цин Ло по лицу, но Лоэр крепко вцепилась в нее. Удерживая разгневанную хозяйку, служанка тихо проговорила: — Хозяйка, Лоэр слышала, что люди на краю гибели могут испить суп Мэн По и забыть прошлую жизнь. Наверное, барышня Цин Ло тоже...

Услышав слова Лоэр, Хуа Нянь умолкла. Наклонив голову, она пригляделась к Цин Ло и заметила, что лицо той полно растерянности, страха и недоумения — совсем не похоже на фальшь. Женщина холодно фыркнула: — Цин Ло, мне плевать, дура ты настоящая или притворяешься. В следующем месяце ты в любом случае идешь на выданье. Будешь послушной — я подыщу тебе интеллигентного молодого господина. А станешь упрямиться — твоего согласия будут ждать те стариканы за шестьдесят вроде господина Чжао. Лоэр, присматривай за своей хозяйкой. Попробует снова наложить на себя руки — клянусь, отдам ее десятку мужчин, пусть дохнет бесчестной шлюхой!

— Слушаюсь, хозяйка.

Когда Хуа Нянь ушла, испуганная Лоэр присела рядом с Юй Сыин и протянула ей чашку теплого чая. Горло болело так сильно, что говорить было почти невозможно, и Юй Сыин торопливо сделала глоток — сухость во рту немного отступила. То, что происходило вокруг, казалось настолько нереальным, словно ночной кошмар. Тайком ущипнув себя, она убедилась, что реальность не изменилась.

Что... что же здесь творится?

Цин Ло

— Как тебя зовут? — спросила Юй Сыин у служанки.

— Барышня... Меня зовут Лоэр. Вы разве не помните Лоэр?

— Хорошо, Лоэр, принеси мне бронзовое зеркало.

— А?

— Живо.

— Слушаюсь, — ответила Лоэр, украдкой бросая на нее озадаченные взгляды.

Хотя барышня по-прежнему оставалась невероятно красивой, в ее облике — помимо прежнего капризного упрямства — словно проступило нечто величественное и благородное... Девушка подошла к туалетному стоку и вложила зеркало в руки Юй Сыин. Долгое время храня молчание, та сначала медленно провела пальцами по собственным щекам, глубоко вздохнула и наконец подняла зеркало...

Она остолбенела.

С отражения на нее смотрела невиданная прежде, потрясающей красоты девушка.

И пусть на щеках еще виднелись следы припухлости и синяки, эти изъяны ни капли не портили ослепительной, чарующей внешности отражения. Кожа казалась застывшим нефритом, глаза блестели как лаковые бусины, а длинные ресницы слегка подрагивали, придавая глубоким глазам легкую поволоку. Чуть приоткрытые губы были бледны и лишены краски, но не составляло труда представить, какое очарование они обретут после должного ухода. Юй Сыин завороченно смотрела на себя, попытавшись улыбнуться в зеркало, и девица в отражении точно так же ответила ей улыбкой. Улыбка вышла немного неловкой, но неописуемо прекрасной, способной ввергнуть в трепет весь мир.

Кто она?

Она не я, нет! Моя внешность в лучшем случае считалась миловидной, но во мне никогда не было этой ослепительной броской красоты! Кто она такая? Что здесь происходит?

— Лоэр, какой нынче год по летоисчислению?

— Второй год Тяньбао! Барышня, что с вами? Как можно забыть даже девиз правления?

— Второй год Тяньбао? Разве не двадцать пятый год Цзядин? Кто княгиня-супруга князя Наньчжао Чу Ли? Говори же!

— Барышня...

Пальцы Юй Сыин непроизвольно впились в руку Лоэр так сильно, что та охнула от боли, а на глазах выступили слезы страха. Не понимая, почему после пробуждения хозяйка стала вести себя так странно, служанка с испугом отшатнулась и сквозь слезы пролепетала: — Княгиня-супруга князя Наньчжао умерла уже два года назад... К чему вы спрашиваете о мертвеце, барышня? Вы меня пугаете, у-у-у...

Я мертва...

Верно, я же давно мертва...

Ха-ха...

Руки Юй Сыин бессильно опустились. Она тихонько рассмеялась, смех становился все громче, пока по ее щекам не покатились слезы.

Два года. Выходит, я мертва уже два года... Истории о переселении душ она встречала лишь на страницах древних книг, но и подумать не могла, что сама станет таким призраком...

Неужели ее обида была столь сильна? А может, небеса даровали ей второй шанс?

Чу Ли... жди меня.

Все вы, кто оклеветал меня, унизил и стер с лица земли мой род, ждите.

Отныне я больше не Юй Сыин, я — Цин Ло из борделя Хунсю.

Он придет 2

Чу Ли придет? Ха-ха, как гласит поговорка, обойдешь тысячу ли в поисках железа, а найдешь его без труда!

Чу Ли... Чу Ли!

При людях и за глаза ты всегда держишься благородным мужем, но я и не знала, что ты способен заявиться в такое распутное место и проворачивать подобные дела развлечения ради! Ах да, раз ты с каменным лицом мог отнять у меня жизнь и так хладнокровно казнить семью тестя, с чего бы мне вообще было по-настоящему знать тебя, с чего бы понимать, каков ты на самом деле?

Спустя два года, интересно, сильно ли ты изменился? Вспоминаешь ли ты меня тихими ночами, испытываешь ли хоть грамм울ку угрызений совести предо мной и перед всем уничтоженным родом Юй?

Измена государству... какое же посмешище!

Пусть род Юй и обладал огромной властью, мы всегда были беззаветно преданны Императору! Ради чего ты непременно пожелал сжить со свету меня и всю мою семью? Из-за того, что я опозорила твое имя, или моя мнимая измена была лишь удобным предлогом, чтобы расправиться с кланом Юй?

Пусть она собственными глазами не видела расправы над родными, но при одном воспоминании о добром отце, кроткой матушке и милом младшем брате глаза Цин Ло застилали слезы. Теплая капля медленно скатилась по щеке, но она тут же смахнула ее, чтобы не пропустить ни слова из того, что вещала Хуа Нянь.

— Цин Ло, ты ведь слыхала о князе Наньчжао? Тц-тц, это же признанный красавец столицы, к тому же человек ученый, обходительный и преданный! Его княгиня-супруга скончалась от болезни два года назад, но он до сих пор хранит память о той дочери опального чиновника, так и не женившись во второй раз... Если тебе удастся пригласиться ему и стать его наложницей, считай, что тебе выпала великая благодать.

Скончалась от болезни? Хранит память?

Благородный и влиятельный ван, любящий слабую здоровьем дочь государственного преступника — какая трогательная до слез история любви!

Так вот как Чу Ли преподнес мою смерть? Ха-ха... ха-ха...

— Ха-ха, хозяйка дело говорит, — сдерживая бурю в сердце, тихо ответила Цин Ло. — Раз уж пожалует сам князь Наньчжао, я как следует наряжусь. Непременно сделаю так, чтобы он потерял от меня голову.

— Цин Ло, вот теперь мне нравится твой настрой, — довольно кивнула Хуа Нянь.

— Хозяйка, я согласна идти на выданье, но у меня есть условие.

— Какое еще условие? — недовольно прищурилась Хуа Нянь, глядя на девушку.

— Я буду принимать только князя Наньчжао и никого больше.

— О? Губы у тебя не дурны, но с чего ты взяла, что ван вообще обратит на тебя внимание?

— Потому что я достаточно красива, разве нет? — легко улыбнулась Цин Ло. — К тому же, я знаю вкусы вана и уж точно найду способ тронуть его сердце.

— Откуда тебе знать его вкусы? Ты что, выкупила чужие секреты?

— Хозяйке важен лишь результат, к чему вопросы о том, как я его добилась?

— Ладно, пусть будет так. Но предупреждаю: если вздумаешь выкинуть какую-нибудь дурь — я тебе спуску не дам.

— Не беспокойтесь, хозяйка. Я лишь хочу приблизиться к вану и испить полной чашей из

источника богатства и знатности, — Цин Ло слегка улыбнулась, и улыбка эта сияла красою, способной погубить целые царства.

Обучение

Настало время урока игры на цине.

— Девушка Цин Ло, вы снова ошиблись в нотах, — матушка Гуй, обучавшая девушек искусствам, помрачнела и опустила линейку прямо на ладонь Цин Ло.

— Больно, — девушка молча потерла тыльную сторону руки.

— Раз знаешь, что больно, почему не стараешься? Эх ты... — матушка Гуй тяжело вздохнула.

Хотя тыльная сторона ладони Цин Ло давно распухла от ударов линейки, это ничуть не мешало ее привычке витать в облаках. Теплое весеннее солнце заливало комнату, лаская прекрасное лицо девушки, но на губах не было и тени улыбки — лишь холод и оцепенение. Матушка Гуй прекрасно понимала, что та терзается перед грядущим «выходом в свет» через полмесяца, и, помедлив, все же не выдержала: — Цин Ло, смились со своей участью.

— Смириться? — холодно усмехнулась Цин Ло.

— Цин Ло, я знаю, что ты не хочешь продавать себя, но через это проходят все девушки... У Хуа Нянь огромные богатства и влияние, тебе с ней не справиться, а так называемая гордость приносит лишь страдания. Ха, все эти разговоры о чести и целомудрии — лишь ложь, которой мужчины заставляют женщин сидеть покорно дома. Цин Ло, я знаю, как тебе тяжело, как горька твоя жизнь, но как бы ни была горька жизнь, она все же слаще смерти.

— Верно... по сравнению со смертью мои муки и впрямь пустяк, — Цин Ло слегка вздрогнула, а затем безэмоционально произнесла.

Ха, целомудрие? С того самого дня, как Чу Ли захлопнул перед моим носом двери, у меня не осталось никакой чистоты. Я не боюсь ни дурной славы, ни продажи собственного тела — все, чего я хочу, это заставить их заплатить кровью.

— Цин Ло, скоро твой «выход», но твои познания пока слишком скудны, да и я оказалась плохой наставницей. Боюсь, превзойти остальных в мастерстве будет непросто, скажи, есть ли у тебя какое-то особое умение?

— Если говорить о том, что я умею... мне подвластны лишь самые пустяковые вещи.

— О? И что же это?

— Листовая флейта.

— Листовая флейта? Что это такое?